

Миг без тебя

Рони Виннер

Рони Виннер
Миг без тебя

«Автор»

2026

Виннер Р.

Миг без тебя / Р. Виннер — «Автор», 2026

Жизнь Марго, ученицы восьмого математического класса, всегда подчинялась строгой логике. Но однажды привычные формулы дали сбой: предательство лучшей подруги обернулось настоящим кошмаром, оставив на руке и в душе глубокие шрамы. В этот момент в её жизни появляется Саша — «буксир», который помогает ей не пойти ко дну и заново поверить в людей. Вместе они находят свою «геометрию любви», где две параллельные прямые наконец-то пересекаются. Но что делать, когда судьба подбрасывает уравнение с одной неизвестной, и эта неизвестная — жизнь любимого человека? Когда город сияет огнями, а твой мир замирает в стерильной тишине больничной палаты, остается только одно: верить, ждать и каждый день доказывать теорему о том, что любовь сильнее смерти.

© Виннер Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рони Виннер

Миг без тебя

Глава 1.

Маргарита. Можно Марго, можно Маргоша, если уж совсем потянуло на нежности. Но только не Рита. Рита – это какая-то тетенька из бухгалтерии в поношенном кардигане или суровая продавщица в отделе кулинарии. Рита – это скучно, плоско и совершенно не про меня. Хотя, конечно, находятся оригиналы, которые упорно пытаются сократить мое имя именно так. Видимо, экономят буквы.

Этим летом мне бахнуло четырнадцать. Возраст серьезный, почти рубеж. Паспорт получила, с девчонками в кафе посидели – отметили начало официального превращения во взрослую особь. Паспорт в кармане приятно холодит бедро, но на деле это всего лишь книжица с не самой удачной фоткой. Взрослости в голове от этого больше не стало, зато ответственности – хоть отбавляй. Теперь я, как говорит папа, «субъект права». Звучит как название какого-нибудь скучного параграфа в учебнике обществознания.

С ростом мне не то, чтобы не повезло, просто природа решила на мне сэкономить. Метр шестьдесят три. По нынешним временам, когда одноклассницы вытягиваются под потолок, как бамбук после дождя, я чувствую себя кем-то вроде хоббита, потерявшего кольцо. Почти все подружки смотрят на меня сверху вниз, буквально на полголовы. Только Верочка составляет мне компанию в «клубе тех, кому не нужно пригибаться в дверях».

Мама, конечно, включает свою фирменную домашнюю философию. Говорит, что мне сказочно повезло. Мол, мужчины всегда предпочитали миниатюрных женщин, которых хочется защищать. Ага, конечно. Защищать, обогревать и кормить с ложечки. Только вот практика показывает обратное. Пока я жду своего «защитника», все мальчишки в округе сворачивают шеи, глядя на Аньку. Она выше меня сантиметров на десять, и у нее уже вполне оформившаяся женская фигура. Настоящая фотомоделка, хоть сейчас на обложку. А я что? Ребенок ребенком. Джинсы из подросткового отдела и вечное ощущение, что я еще не доросла до этого праздника жизни.

До конца каникул осталась неделя. Воздух уже пахнет не столько пылью и липовым цветом, сколько новенькими тетрадками и легким унынием. Все потихоньку сползаются с морей и дач, как муравьи в потревоженный муравейник. И, знаете, за это лето мир вокруг меня внезапно сошел с ума. Подруги разом помешались на любви. Такое ощущение, что по городу распылили какой-то гормональный газ, а на меня надели противогаз. У каждой – абсолютно у каждой! – случилось хоть маленькое, но приключение. Романтические сводки с полей напоминают сериал, в котором я застряла на роли оператора.

Анька, например, привезла из языкового лагеря не только подтянутый английский, но и Сергея. Ему шестнадцать, он из Питера, и, судя по фоткам, которые она нам милостиво предъявила, парень вполне ничего.

История их знакомства – чистый Голливуд, только с поправкой на наши суровые реалии. На первом же занятии бедного Сергея вызвали к доске рассказывать «About myself». Судя по Анькиным рассказам, английский в список его суперспособностей не входил от слова «совсем». Парень мычал, краснел и, кажется, всерьез подумывал провалиться сквозь линолеум, лишь бы не мучить Шекспира. Анька, как истинный чип-и-дейл в юбке, начала вполголоса подсказывать ему глаголы и строить фразы. В итоге они вдвоем наплели училке такого, что Сергей внезапно превратился из обычного питерского школьника в загадочного героя с богатым внутренним миром.

Потом, когда они разговорились после урока, выяснилось, что в этот лингвистический ад его загнали родители – в качестве «высшей меры социальной защиты» за эпический провал на ОГЭ. Видимо, предки решили, что две недели неправильных глаголов в закрытом пространстве исправят то, что школа не смогла вбить за девять лет. Карательная педагогика, как она есть. Но в итоге всё обернулось совсем не так, как планировали предки.

Правда, знакомить нас с этим «чудом» Аня не спешит. Боится, наверное, что сглазим или, чего доброго, кто-нибудь из нас решит составить конкуренцию. В четырнадцать лет женская дружба – штука хрупкая, особенно когда на горизонте маячит шестнадцатилетний принц из северной столицы. Они теперь постоянно строчат друг другу сообщения (Анька из телефона вообще не вылезает, только на подзарядку ставит), а пару раз он даже приезжал к ней в Москву, и они куда-то ходили. Анька после этих свиданий возвращается с таким видом, будто ей только что вручили ключи от Вселенной, а заодно и бессрочный абонемент на счастье.

Смотрю я на неё и думаю: неужели всё это действительно так работает? Одна подсказанная фраза на ломаном английском – и бац, у тебя уже «отношения», Питер под боком и глаза сияют, как два светодиода.

Сашка – та вообще кадр. Она у нас всегда была «с мотором в одном месте». Самая бойкая, самая громкая. Летом она закрутила роман с Андреем, нашим же одноклассником. Это не отношения, это какой-то вечный бой. Ссорятся они регулярно, с битьем виртуальной посуды в мессенджерах и демонстративными удалениями из друзей. Но через час уже снова милуются. Говорят, им так «весело».

Последний раз у них случилась прямо-таки мировая война в масштабах одного микрорайона. Разругались так, что искры летели через экраны смартфонов. Заблокировали друг друга везде, где только можно – от Телеграма до игровых чатов. Полная изоляция, информационная блокада и гордое молчание. Правда, Сашка «остыла» первой – у неё всегда так: сначала взрыв, потом тишина и осознание, что она, кажется, перегнула палку. Но как помириться, если ты в «черном списке» по всем фронтам?

Пришлось разворачивать целую спасательную операцию. В роли миротворца и главного переговорщика выступил Ваня, лучший друг Андрея. Бедный Ваня... Его, наверное, до сих пор потряхивает. Он весь вечер работал живым мессенджером, передавая ультиматумы и встречные предложения, словно представитель ООН в зоне гуманитарной катастрофы. В итоге дипломатия победила. Они встретились, Андрей даже в кино её сводил – на какой-то новый блокбастер с кучей взрывов. Видимо, чтобы после собственной ссоры уровень шума вокруг не казался слишком низким.

Хотя мне кажется, что это затишье перед очередной бурей. Не могут они долго жить спокойно – скучно им. Наверняка уже копят силы для следующего «эпического» скандала. Ну, не знаю, по мне так лучше тихое одиночество, чем такой адрениновый аттракцион с ежедневным риском для нервной системы. Но им нравится, и ладно. У каждого свои способы не сойти с ума от скуки.

Но больше всего меня добила Верочка. Вот уж от кого не ожидала, так от нашей тихой мышки. Уехала на море – вернулась с «мальчиком». Правда, курортный роман у них вышел своеобразный, в духе нашего цифрового века. Никаких тебе прогулок под луной и собирания ракушек на пляже. Выяснилось, что Вера и её Вадик – заядлые фанаты одной и той же компьютерной игры. В их отеле была игровая комната (святое место для тех, кто ненавидит палящее солнце и соленую воду), и они там буквально прописались. Пока остальные отдыхающие честно наедали бока на «шведском столе» и обгорали до цвета вареных раков, эти двое самозабвенно «резались» в виртуале, захватывая замки и уничтожая монстров. Общие интересы, знаете ли, сближают покруче любых дискотек.

Когда море закончилось, роман не испарился, а просто сменил локацию – переключался в сеть. Жить на разных концах Москвы – это почти как в разных галактиках, если тебе четыр-

надцать и у тебя нет личного вертолета. Поэтому теперь они в основном видятся в игре, общаясь через наушники. Но пару раз всё-таки выбирались в реальность – встречались в каких-то компьютерных клубах ровно посередине между их домами. Такое вот свидание: сидеть в полумраке, плечом к плечу, и вместе «выносить» очередного босса. Романтика, что тут скажешь.

Правда, есть один нюанс: Вадик младше Веры на год. В нашем возрасте это обычно считается катастрофой, почти мезальянсом. Но Верочку это вообще не смущает.

– Зато он высокий! – заявляет она, победно вскидывая подбородок. – И очень умный.

Говорит она это таким тоном, будто Вадик как минимум уже защитил диссертацию по квантовой физике или, на худой конец, знает, как переустановить Windows без потери данных. Для Веры это сейчас одно и то же.

И вот я сижу, смотрю на календарь и понимаю: неделя до школы, у всех «отношения», драмы, интриги. А у меня – паспорт, метр шестьдесят три роста и смутное предчувствие, что в восьмом классе всё будет совсем иначе. Только вот как именно – пока не ясно.

В общем, лето у меня прошло под девизом «мимо кассы». Пока подружки коллекционировали поцелуи и страдания в мессенджерах, я занималась делами исключительной важности – прокачивала персонажей в онлайн-играх и глотала книжки одну за другой. Книжки, кстати, безопаснее. Там, если герой ведет себя как идиот, можно просто закрыть обложку и пойти пить чай. В жизни так не получается.

Мама почти всё время пропадала на работе, так что меня «сослали» на дачу к бабушке. Там у нас старая компания, мы все с детсадовского возраста друг друга знаем. Ребята за год вытянулись, забасили, у кого-то даже намек на бороду появился (выглядит, честно говоря, так себе, как приклеенный пух). Но для них я осталась всё той же Маргошкой из пятого дома. Своим парнем. Той самой девчонкой, с которой удобно гонять на великах до карьера или носиться по полю, изображая то ли сталкеров, то ли индейцев. Никакого «должного впечатления» я не произвела. Знаете, это такое странное чувство – ты вроде как уже «субъект права» с паспортом, а на тебя смотрят как на удобную деталь ландшафта. Безопасный вариант. Рядом с такой не нужно выпендриваться или пытаться казаться круче, чем ты есть. Просто Марго – свой человек.

Наверное, это семейное. У нас в доме тема любви – это вообще отдельная, довольно грустная глава.

Родители разошлись, когда мне было пять. Я это время помню смутно, какими-то вспышками: громкие голоса на кухне, папа, который долго собирает сумку, и мама, стоящая у окна с таким лицом, будто у нее внутри всё выключили. Сейчас у папы другая семья. Мы видимся редко, обычно это выглядит как обязательный ритуал: дежурные вопросы про школу, мороженое в торговом центре и неловкое молчание в конце. У него там своя жизнь, в которой мне отведено место где-то между хобби и дальними родственниками.

Мама с тех пор так и осталась одна. Она в любовь больше не верит, совсем. Для нее мужчины – это что-то вроде бракованной бытовой техники: вроде и полезно иногда, но в любой момент может замкнуть или просто перегореть, оставив тебя с кучей проблем. Она не то, чтобы злая, нет. Она просто... выжженная. Бабушка поначалу пыталась ее с кем-то знакомить – подсовывала каких-то приличных сыновей своих подруг, «одиноких инженеров с чувством юмора». Но мама каждый раз выставляла такие колючки, что все эти попытки заглохли сами собой. Теперь в нашем доме тишина и работа.

Бабуля у меня совсем другая. Она «мировая». Есть такие люди – «легкие». К ней все тянутся. Соседи заходят за солью и остаются на два часа пить чай, друзья моих родителей до сих пор ей звонят просто поболтать. Даже с моим папой мы общаемся только благодаря ей – она единственный мостик, который не дает нам окончательно забыть о существовании друг друга. Она умеет слушать так, что ты сам начинаешь понимать, что у тебя в голове творится.

Выглядит бабушка потрясающе, правда. Если бы она захотела, у нее под окнами очередь из кавалеров стояла бы. И ведь звонят же! Какие-то старые поклонники, коллеги, просто знакомые... Но три года назад умер дедушка, и бабушка как отрезала. Она мне сказала: «Свое я уже отлетала, Маргоша. Больше ни за кого не пойду». Причем говорит она это без драмы, без закатывания глаз. Просто как факт. Словно прочитала очень хорошую книгу и решила, что сиквел ей не нужен, даже если он будет ярким.

Вот такая у нас женская компания. Мама, которая не верит, бабушка, которая хранит верность памяти, и я – метр шестьдесят три роста, паспорт в кармане и полное отсутствие понимания, как во всём этом разобраться. Через неделю школа. И что-то мне подсказывает, что мои «книжные» знания о жизни там не сильно помогут.

Мама, кажется, застряла в каком-то параллельном временном пузыре. В её личной реальности мне всё еще семь, я верю в зубных фей и боюсь подкроватных монстров. Поэтому на моей полке продолжают плодиться плюшевые зайцы, а в шкафу размножаются пижамы с розовыми принцессами.

Это такая форма психологической защиты, наверное. Ей так проще. Пока я сплю в обнимку с мягким медведем, я под контролем, я никуда не денусь и не превращусь в ту непонятную взрослую девушку, которой на самом деле становлюсь. Конечно, я всё это люблю – и зайцев, и мягкую фланель, – но внутри-то уже всё по-другому. Хочется не сказки слушать, а чтобы тебя просто воспринимали всерьез.

Раньше у нас был ритуал. Сказка на ночь, а потом – самое главное – «болтовня по душам». Мы могли час обсуждать какую-нибудь ерунду: почему Сашка из параллельного класса вредный или как правильно красить ногти. Это был наш закрытый клуб.

А потом случился «карьерный рост». Год назад маму повысили, и она фактически переехала в офис. Теперь она там живет, а домой заходит в гости – принять душ и немного подышать. Наши посиделки испарились, как туман над речкой. Когда она приползает, нервная, выжатая, как лимон, и с глазами, в которых отражаются только таблицы Excel, я уже десятый сон вижу. В выходные мама пытается совершить невозможное – отоспаться за всю неделю. А я в это время сбегая к девчонкам.

Мы с бабушкой честно ждали. Месяц ждали, два... Думали, вот она привыкнет к креслу начальника, разрулит все авралы, и мы заживем как люди. Но прошел год, а конца-края этой гонке не видно. Мама превратилась в функцию, в добытчика денег, а я – в декоративный элемент интерьера, которому полагается сидеть тихо и не отвечать.

Хорошо, что у меня есть Маргарита-старшая. Тетка. Бабуля, Маргарита Васильевна. Мой личный громоотвод и психотерапевт в одном лице. Она – это запах нормальной еды, теплые руки и бесконечное терпение. Бабушка умеет меня слушать. С ней я начинаю понимать, что в любой ситуации мир не рухнул, он просто немного накренился.

Когда я вывалила на неё все свои страхи про «отношения» и подруг, которые уже всюю целуются по углам, она даже бровью не повела. Просто посмотрела на меня своим фирменным мудрым взглядом и сказала: – Ничего, Маргоша. Они ранние, как скороспелые помидоры – вроде красные, а вкуса никакого. А ты у меня особенная.

Она всегда так говорит. Про «особенную». Про то, как они с дедом познакомились еще в школе и пронесли свою любовь через всю жизнь, душа в душу. Без драм, без измен, без глупых переписок в мессенджерах.

– Когда придет время, – бабушка хитро прищурилась, – ты встретишь своего принца., настоящего. И может, это случится совсем скоро. Так что наберись терпения, маленькая моя.

Я, конечно, кивнула. Но про себя подумала: бабуль, сейчас принцы на белых конях не ездят. В лучшем случае на электросамокатах, и в голове у них не вечная любовь, а новые уровни в «Танчиках» или количество лайков под фото.

Хотя... где-то глубоко внутри, там, где под принцессами на пижаме бьется мое четырнадцатилетнее сердце, мне очень хотелось ей поверить. Что принцы существуют. И что один из них уже где-то паркует свой самокат, чтобы позвонить именно в нашу дверь.

Глава 2.

Первое сентября – это такой странный день-плацебо. Все делают вид, что безумно рады друг друга видеть, обнимаются, машут букетами, которые больше похожи на ритуальные венки, и светятся таким энтузиазмом, будто им только что выдали бесплатные путевки в Диснейленд, а не девять месяцев строгого режима с правом на короткие переписки под партой. В воздухе стоит этот специфический запах: смесь духов, свежего асфальта и легкого привкуса надвигающейся катастрофы. Ощущение праздника, конечно, есть, но оно какое-то картонное. Мы все знаем правила игры: сегодня мы окрыленные и отдохнувшие, а завтра, второго числа, магия рассеется, карета превратится в старый школьный автобус, и начнется обычный «учебно-воспитательный процесс». Серая жевательная резинка будней, которую придется тянуть до самого мая.

Как и любой нормальный человек, у которого в голове есть хотя бы пара активных нейронов, школу я не люблю. Нет, я её не ненавижу – ненависть требует слишком много энергии, которую лучше потратить на что-то полезное, вроде прохождения нового уровня в игре или чтения нормальной книжки. Но и радости не испытываю.

Вообще, вся эта система кажется мне каким-то затянувшимся социальным экспериментом. Ну вот скажите, какой садист придумал, что растущий организм должен вскакивать в семь утра, когда даже солнце еще сомневается, стоит ли ему сегодня вставать? Это же настоящий геноцид сонь. В семь утра мой мозг – это холодный кисель, а мне в него пытаются загрузить формулы сокращенного умножения или историю промышленного переворота в Англии. А контрольные? Это же вечный стресс-тест. Сидишь, смотришь в лист, и кажется, что все знания, которые ты вроде как впахивала в себя вчера вечером, испарились, оставив в голове только гулкое эхо и рекламу какого-нибудь дурацкого йогурта. Взрослые говорят: «Школа – это твое рабочее место». Ну, если так, то у меня очень плохой контракт и полное отсутствие профсоюза.

За лето все вокруг как-то подозрительно мутировали. Словно кто-то нажал кнопку «Fast Forward», пока я на даче у бабушки книжки читала. Особенно это касается мальчишек. Если в мае это были понятные, предсказуемые существа, то сейчас по школьному коридору бродил какой-то парад мутантов. Они резко вытянулись, и теперь их руки и ноги живут какой-то своей, отдельной от туловища жизнью. Голоса у них стали похожи на сломанные радиоприемники: то басят так, что стекла дрожат, то вдруг срываются на невнятный девчоночий писк. Стоит такой «герой», пытается выглядеть крутым, а сам то и дело спотыкается о собственные кроссовки сорок третьего размера. И пахнет от них теперь не жвачкой и пылью, а едким дезодорантом, которым они, видимо, поливаются вместо душа. В общем, зрелище печальное, но по-своему забавное.

В этом году у нас начался восьмой класс – время великого передела. Нас снова рассортировали по специализациям, как детали на конвейере. Я, разумеется, осталась в своем математическом «гетто». Мы в этом классе – отдельное племя. С пятого класса нас, девчонок, было всего восемь штук на тридцать лбов. К концу седьмого и вовсе осталось шестеро. Мы тогда сплотились так, что никакой спецназ не разбил бы нашу оборону. Когда вокруг тебя двадцать с лишним шумных, вечно толкающихся парней, волей-неволей начнешь держаться друг за друга, просто чтобы не затоптали.

Но в этом сентябре администрация школы, видимо, решила восстановить справедливость. Понабрали новеньких, и наш привычный мирок треснул. Теперь нас, девочек, стало аж четырнадцать. Ребят – семнадцать. Если не считать небольшую математическую погрешность, силы почти равны. Из нашего старого костяка осталось человек двадцать, остальные – «темные лошадки». Придется снова притираться, выстраивать иерархию, выяснять, кто тут главная звезда, а кто будет тихо сидеть в углу и решать задачи за весь класс.

Но ничего, как-нибудь привыкнем. В конце концов, математический класс приучает к логике: если есть переменная, значит, её можно вычислить. Главное – самой не стать той самой погрешностью, которую никто не принимает в расчет.

Я поправила рюкзак, который в первый день казался непривычно тяжелым, и шагнула в школьную дверь. Впереди был целый год. Дыхание школы – сухое, пыльное, с примесью хлорки и старой бумаги – ударило в лицо. Ну что, поехали?

Мы с Верочкой оккупировали нашу привычную парту во втором ряду. Аня с Сашкой устроились впереди – они всегда любили быть поближе к эпицентру событий, чтобы ничего не пропустить и, если что, первыми оценить обстановку. Мы пока решили не разбредаться. Знаете, это как в старых фильмах про первопроходцев: когда попадаешь на незнакомую территорию, лучше держаться своих, а то мало ли, что там за новенькие притаились в зарослях школьных коридоров.

Классная у нас осталась прежняя, Марина Сергеевна. И это, пожалуй, был главный плюс начала года. Она нас знала, знала, чего от нас ждать (в основном – хорошей успеваемости и отсутствия криминала), и, кажется, искренне нас ценила. По крайней мере, не пыталась с порога загрузить нас какими-то невыполнимыми задачами.

Потом пошел парад имен. Нам представляли новеньких одного за другим, но мой мозг, еще не переключившийся из летнего режима «лайт» в режим «школьный архив», благополучно отфильтровал половину информации. Имена пролетали мимо, как осенние листья – шуршали и исчезали. С девчонками мы, конечно, потом на перемене перезнакомились. Оказалось, что мир тесен: многих мы и так знали по параллельным классам или просто видели в столовой.

А вот к ребятам я особо не приглядывалась. Ну, мальчишки и мальчишки. Шумные, угловатые, пахнущие свежим потом и амбициями. Но был среди них один, которого не заметить было физически невозможно.

Его звали Саша. И это не было просто «еще одно имя в списке». В нем чувствовалось что-то... другое. Бывают такие люди, которые словно вырезаны из другой реальности. Высокий, стройный, с копной каштановых волос, которые вечно лезли ему в глаза. И сами глаза – глубокие, карие, почти шоколадные. Очень симпатичный, даже, пожалуй, красивый, если это слово вообще применимо к парню в восьмом классе. Но зацепила меня не внешность.

В нем чувствовалась какая-то взрослая, нездешняя грусть. Знаете, такая тихая печаль, которая обычно бывает у людей, которые уже что-то поняли про этот мир, и это знание им не очень понравилось. Он вполне нормально общался с остальными, не строил из себя угрюмого одиночку, не отбивался от коллектива. Смеялся над шутками, обсуждал какие-то игровые новинки, спорил о чем-то... но глаза при этом оставались серьезными и какими-то застывшими. Словно он играл роль «обычного подростка», а сам в это время думал о чем-то бесконечно далеком.

Судьба (или Марина Сергеевна) распорядилась так, что он сел за соседнюю парту. Так что у меня была легальная возможность рассматривать его «в профиль», не вызывая подозрений. Я смотрела на его руки, на то, как он крутит в пальцах ручку, и ловила себя на мысли, что хочу понять: откуда в нем эта грусть? В четырнадцать лет положено страдать по прыщам или неразделенной любви к поп-звезде, а не носить в глазах мировую скорбь.

Уроков, к счастью, было всего пять. Хотя «уроки» – это громко сказано. Так, ознакомительная экскурсия в ад. Обсуждали оргвопросы, слушали бесконечные «как я провел лето» (как будто это кого-то реально волновало, кроме учителей литературы) и пытались осознать, что лафа закончилась.

Финальным аккордом дня стала выдача учебников. Нам вручили целую гору макулатуры, которую гордо именовали «источниками знаний». На деле это было килограммов десять плотной бумаги в твердых переплетах. Я смотрела на эту стопку и понимала: либо я сейчас отращу мускулатуру как у Шварценеггера, либо просто врасу в асфальт по дороге к дому.

– Помочь? – раздался тихий голос совсем рядом.

Я вздрогнула и обернулась. Саша стоял у соседней парты и смотрел на меня. Его глаза всё еще были грустными, но в них на мгновение промелькнуло что-то похожее на сочувствие.

Я пробормотала что-то невнятное и отказалась, хотя потом горько об этом сожалела, ведь учебники были неподъемными.

После пяти уроков «организационного бреда» наш свежесобранный коллектив пришел к логичному выводу: пора завязывать с официальной частью и переходить к неофициальной. Кто-то кинул клич «в кино!», и идея зашла на ура. Решили: сначала сеанс, потом – в парк, доедать остатки летнего тепла. Погода стояла такая, что сидеть дома казалось преступлением против человечества: солнце еще припекало, но ветерок уже был по-сентябрьски прохладным и бодрым.

До сеанса оставалось два часа. Самое то, чтобы дотащить свои «бумажные кирпичи» до дома, закинуть в себя что-нибудь съедобное и, главное, сменить школьную одежду на что-то более приспособленное для жизни.

Дома пахло безопасностью и блинчиками. У бабули какой-то встроенный радар на мое настроение: она всегда знает, когда мне нужна внеочередная порция радости. Блины были такие, как я люблю – тонкие, кружевные, с хрустящим краем. Настоящая антистресс-терапия.

– Маргоша, не торопись, подавишься, – бабушка подлила мне чаю, наблюдая, как я разделяюсь со вторым блином.

Я быстро перекусила и рванула в свою комнату. Предстояла битва с гардеробом. В четырнадцать лет выбор одежды – это не просто «что надеть», это формирование имиджа, декларация о намерениях и попытка скрыть от мира все свои недостатки разом. Я вывалила на кровать половину содержимого шкафа, критически оглядывая гору шмоток.

Хотелось выглядеть... ну, хотя бы не как ребенок. В голове почему-то всплыли те самые карие, «грустные» глаза соседа по парте, и я решительно отложила в сторону привычную толстовку.

В дверях возникла бабушка. Она оперлась о косяк и смотрела на это вещевое побоище с той самой загадочной улыбкой, от которой мне всегда становится немного неловко. Будто она видит меня насквозь, до самой последней мысли.

– И куда это мы так тщательно наряжаемся? – прищурилась она.

– Да в кино идем, – я старалась, чтобы голос звучал максимально буднично. – А потом в парк гулять, с классом.

– Раз в парк, то одевайся удобно, – резонно заметила бабушка. – Сентябрь – месяц коварный, да и ноги не казенные.

Я потянулась за туфлями на небольшом, но всё-таки каблуке.

– Бабуль, ну какое «удобно»? Если я буду без каблуков, я снова превращусь в «метр с кепкой». Все девчонки выше меня на голову, я среди них как потерявшийся первоклассник.

Бабушка вздохнула, зашла в комнату и поправила на плечиках моё любимое платье, которое я в порыве чувств швырнула на кровать.

– Глупая ты, Маргоша. Высота человека не каблуками измеряется. Лучше быть маленькой и легкой на подъем, чем потом весь вечер ковылять и мозоли пластырем залечивать. Поверь моему опыту: когда принц на горизонте появится, он на твои каблуки посмотрит в последнюю очередь. А вот если у тебя лицо будет кислым от боли в ногах – это он заметит сразу.

Я посмотрела на туфли, потом на свои любимые кеды. Логика в бабушкиных словах была железная, чисто математическая. Но желание стать хоть на пять сантиметров ближе к «взрослому» миру никуда не делось.

– Ладно, – буркнула я, – пойду в кедах. Но если Анька опять будет на меня сверху вниз смотреть, я скажу, что это твой коварный план.

Бабушка только рассмеялась и легонько подтолкнула меня к зеркалу. Я обулась, глянула на свое отражение. Ну, хоббит в кедах. Зато быстрый и маневренный. В конце концов, в парке нужно гулять, а не стоять памятником самой себе.

Бабушка всё-таки победила. В итоге я обула кроссовки на небольшой платформе – и, забегая вперед, готова была поставить бабуле памятник в полный рост уже через полчаса прогулки.

Джинсы сели идеально, а сверху я натянула свою «счастливую» футболку – ярко-зеленую, с наглаватой надписью «Cool girl» под золотистой короной. Мама говорит, что этот цвет вытягивает из моих глаз всю зелень, превращая их из неопределенно-серых в почти изумрудные. В зеркале на меня смотрела вполне симпатичная девчонка: светло-русые волосы (бабушка называет их «льняными», а я – «мышинными»), правильный нос, который, к счастью, не пошел в папину породу, и вполне приличные скулы. В общем, не королева красоты, но для восьмого класса – вариант вполне рабочий.

Вера живет в соседнем доме, так что мы пересеклись у её подъезда. Она выплыла в очень прикольном платье в цветочек, которое удивительно шло к её каштановым волосам и теплым карим глазам. Увидев на ней кроссовки, я выдохнула: солидарность – великая вещь. По крайней мере, в плане роста мы оставались в одной весовой категории.

Потом по маршруту была Аня. Наша «скандинавская принцесса» – натуральная блондинка с огромными голубыми глазами, в которых, кажется, можно было разглядеть небо, даже если на улице шел дождь. Она оделась во что-то белое и обтягивающее, отчего казалась еще выше и привлекательнее. Глядя на неё, я в очередной раз подумала, что природа распределяет бонусы крайне несправедливо.

Последней точкой сбора был Сашкин дом. Сашка у нас – огонь и порох в одном флаконе. Темные, почти черные волосы, резкие черты лица и зеленые глаза, которые смотрят на мир с вечным вызовом. Мы ожидали увидеть её одну, ну, может, в компании вечного телефона, но реальность подкинула сюрприз.

У подъезда стоял Андрей. Сашка, видимо, в сто первый раз его простила. А рядом с ним... рядом стоял Саша. Тот самый новенький.

Оказалось, они живут в соседних подъездах и уже успели спеться. Видимо, мужская дружба завязывается гораздо быстрее, чем я успеваю сообразить, какой сегодня день недели.

Я посмотрела в его карие глаза – и всё. В ту же секунду я поняла, что «пропала». Знаете, как в старых приключенческих книжках: герой делает шаг в пропасть, и земля уходит из-под ног. Только никакой пропасти не было, был просто пыльный московский дворик и парень в обычной футболке.

Я судорожно вдохнула побольше воздуха, стараясь не выглядеть как рыба, выброшенная на берег. Коротко глянула на Веру и Аню – и по их застывшим лицам поняла: наш тихий, уютный девчачий мирок только что приказал долго жить. Подруги смотрели на Сашу так, как смотрят на редкий экспонат в музее, который очень хочется забрать домой. Оценивающе, с интересом, с тем самым блеском в глазах, который не предвещает ничего хорошего для нашей идиллии.

Саша при этом выглядел вызывающе спокойным. Никакой неловкости, никакого желания понравиться. Он просто стоял, чуть прищурившись на солнце, и это его невозмутимость бесила и восхищала одновременно.

Положение спасла Сашка. Она наконец соизволила выпорхнуть из подъезда, сияя как начищенный самовар. – Эй, вы чего замерли? – крикнула она, выводя нас из коллективного ступора. – Мы так все трейлеры пропустим, а я ради них и шла!

Она буквально растолкала нас, напомнив, что время – штука беспощадная. Мы дружно рванули в сторону кинотеатра. Благо идти было всего ничего, но я всю дорогу чувствовала, как

затылок печет от чьего-то взгляда. Или это просто сентябрьское солнце решило напоследок показать, кто здесь главный?

Глава 3.

Кино удалось на славу. Нет, я правда не шучу. На что мы там ходили, о чем был фильм и чем всё закончилось – вопрос на засыпку, на который я вряд ли отвечу даже под пытками. Да и кто в восьмом классе ходит в кино, чтобы смотреть на экран? Кинотеатр для нас – это просто легальный способ посидеть в темноте большой толпой, где можно безнаказанно шуршать огромными ведрами попкорна и делать вид, что ты безумно увлечен сюжетом, когда на самом деле все твои локаторы настроены на шепот соседей.

Атмосфера была классическая: густой запах пережженного масла, бесконечное чавканье и шипение колы в пластиковых стаканах. Знаете, этот звук, когда соломинка со дна вытягивает последние капли? В тихих сценах он звучит как призыв к началу боевых действий. В зале было душно и весело, по рядам летали шуточки, а экран служил просто огромным ночником для нашей компании.

Мы расселись длинной шеренгой, как птицы на проводах. Сначала мы, девчонки, плотным строем, потом Андрей и «тот самый» Саша. За Сашей примостились Никита и Артем – наши «старогвардейцы». Эти двое вообще существовали в своей параллельной вселенной: весь фильм они вполголоса спорили о какой-то новой стратегии, размахивая руками и едва не сшибая попкорн у соседей. Для них кино было лишь досадным фоном для обсуждения характеристик игровых юнитов.

Верочка, сидевшая рядом со мной, сегодня явно работала на аудиторию. Она так старательно входила в роль «девушки с серьезными отношениями», что мне временами хотелось прикрыть её рот ладошкой.

– Ой, Маргоша, – громко, на весь ряд, прошептала она, когда на экране кто-то в кого-то стрелял, – Вадик говорил, что этот актер вообще не умеет играть. Вадик в этом разбирается, он же в театральный кружок ходил в начальной школе!

– Вера, потише, – шикнула я, чувствуя, как краснеют уши. – Тут люди вообще-то пытаются понять, кто убийца.

– Да какая разница! – Вера и не думала снижать громкость. Наоборот, она покосилась на Сашу, проверяя, слышит ли он. – Вадик сказал, что фильм проходной. Он мне обещал на следующей неделе что-то поинтереснее скачать. Вадик вообще такой заботливый, ты не представляешь!

«Вадик, Вадик, Вадик...» – имя бедного парня из другого конца Москвы склонялось так часто, что, казалось, оно вот-вот материализуется в зале и потребует свою долю чипсов.

А на другом конце нашего «ряда невест» разворачивалась настоящая стратегическая операция. Аня и Сашка, забыв о фильме, планомерно брали штурмом крепость по имени Сашановенький. Сашка сидела рядом с Андреем, но умудрялась дотягиваться вопросами через его голову.

– Слушай, Саш, – Аня мило улыбнулась, наклонившись так, чтобы свет от экрана красиво подчеркнул её профиль, – а в твоей старой школе тоже такие дурацкие традиции были – первого сентября в кино таскаться?

Саша повернул голову. Спокойно, без лишней суеты. – В старой школе мы обычно просто ели пиццу. Традиции везде примерно одинаковые.

– Ну, пицца – это скучно! – вклинилась Сашка, отодвигая Андрея в сторону, как мешающую деталь мебели. – Андрей, не чавкай, ты человеку мешаешь! Саш, а ты какую музыку слушаешь? У нас просто в классе либо рэп, либо... ну, короче, всё остальное. Хочется понять, ты с нами или в оппозиции?

– Я слушаю то, что не мешает думать, – Саша едва заметно улыбнулся. – Инди, старый рок... по настроению.

– О, Андрей, слышал? – Сашка больно ткнула своего парня в бок. – «То, что не мешает думать». Тебе бы тоже не помешало что-нибудь такое послушать, а то у тебя в голове только звуки бензопилы из твоих «стрелялок».

Андрей что-то неразборчиво буркнул, набивая рот попкорном. Ему, кажется, было вообще всё равно, кто там на кого претендует, пока ведро не опустело. А я сидела, слушала этот шум и понимала: в нашем классе появилась новая переменная. И эта переменная, кажется, не очень-то хочет вписываться в наши привычные формулы.

Я периодически поглядывала на всё это «шоу талантов» в исполнении подруг, и на душе у меня, честно говоря, скребли не просто кошки, а целые уссурийские тигры. Ревность – штука гадкая, особенно когда ты сама еще не поняла, к чему именно ревнуешь: к парню, которого знаешь ровно три часа, или к вниманию, которое пролетает мимо тебя, как скоростной экспресс мимо заброшенного полустанка. К счастью, в зале, кроме нашего класса, обретались еще и ребята из параллельного «Б». Градус шума и коллективного пофигизма был примерно одинаковым, так что наши разборки вписались в общий гул идеально. Мы никому не мешали, потому что мешать было некому – все были заняты ровно тем же самым.

Когда на экране наконец поползли титры (которые, кажется, никто не досмотрел до середины), мы всей толпой вывалились на улицу и потянулись в сторону Воронцовского парка.

Я обожаю это время. Начало сентября – это ведь еще не осень, это лето, которое просто немного устало и решило сбавить обороты. Воронцовские пруды в такие дни кажутся зеркалами, в которые засматриваются старые, еще совершенно зеленые дубы. Воздух в парке особенный: в нем уже нет той липкой жары, от которой хочется залезть в холодильник, но солнце всё еще греет по-настоящему, по-доброму. Золотистые пятна света плясали на дорожках, пахло скошенной травой и почему-то ванилью – видимо, где-то неподалеку работала лавка с мороженым.

Мы шли нашей тесной компашкой, стараясь держаться чуть в стороне от основного потока восьмиклассников. Я честно пыталась поддерживать разговор с Верой, но это было всё равно что общаться с радиоприемником, у которого сбились настройки. Вера кивала, что-то отвечала невпопад, но её взгляд, как приклеенный, следовал за Сашей. Она даже про своего драгоценного Вадика на время забыла, что в её системе координат приравнивалось к измене государственного масштаба.

Мальчишки шли чуть позади вчетвером, но в какой-то момент наша «стабильная структура» начала разваливаться на глазах. Андрей с Сашкой, верные своей традиции, не выдержали и десяти минут спокойствия. Начался их привычный ритуал: кто-то что-то не так сказал, кто-то не так посмотрел – и понеслось.

– Да господи, Андрей, ты можешь хоть раз не вести себя как ребенок?! – долетело до нас резкое Сашкино восклицание. – А ты можешь не пилить меня каждые пять секунд? – огрызнулся Андрей.

Новенький Саша, который, видимо, еще не привык к этим мексиканским страстям на ровном месте, явно почувствовал себя не в своей тарелке. Знаете, это то самое чувство, когда ты оказываешься свидетелем чужой семейной ссоры и очень хочешь внезапно стать невидимым. Он начал потихоньку ускорять шаг, пытаясь дистанцироваться от этой зоны боевых действий.

Аня, наш главный тактик, среагировала мгновенно. Она, как почетный сопровождающий, пристроилась рядом с ним, что-то оживленно рассказывая и лучезарно улыбаясь. Саша прибавил ходу, догнал нас с Верой, и в итоге мы оказались в странном четырехугольнике.

Так мы и шли: три очарованные девочки (включая меня, хоть я и старалась изо всех сил держать лицо) и один загадочный новенький, который, кажется, просто хотел, чтобы его оставили в покое и дали подышать свежим воздухом. Я поправила свою футболку с короной. «Cool girl», – гласила надпись. В тот момент мне ужасно хотелось, чтобы это было правдой, а

не просто принтом на зеленом трикотаже. Потому что внутри я чувствовала себя кем угодно, только не «крутой девчонкой». Я была просто маленькой Марго, которая вдруг поняла: старые добрые времена, когда мы бегали по парку просто так, закончились. Теперь у каждой прогулки появился подтекст. И этот подтекст мне решительно не нравился.

Смотреть на Аньку в режиме «захват цели» – то еще удовольствие. Она сияла так, что, казалось, вокруг неё воздух начинал светиться. Рост, фигура, эти её голубые глазищи... Рядом с ней я чувствовала себя даже не хоббитом, а каким-то фоновым персонажем из массовой, которого забыли раскрасить. Шансов у меня было примерно столько же, сколько у калькулятора против суперкомпьютера.

Анька работала на полную мощность. Она выдавала истории одну за другой, смеялась своим фирменным колокольчиком и так увлеклась процессом, что Саша за последние десять минут не смог вставить даже «угу». Он шел рядом, вежливо кивал, но вид у него был... ну, скажем так, отсутствующий. Знаете, когда человек вроде бы здесь, но на самом деле он где-нибудь в районе туманности Андромеды обдумывает смысл жизни. Аня этого в упор не замечала. Для неё молчание собеседника означало лишь то, что у неё появился идеальный слушатель.

И тут всё изменилось. В долю секунды. В парках есть один вид опасностей, который я искренне недолюбиваю – «бесшумные гонщики» на электросамокатах. Они возникают из ниоткуда, как ниндзя из темноты, и искренне считают, что законы физики и ПДД писаны не для них.

Этот парень, видимо, уже какое-то время плелся за нашей кавалькадой и в конце концов потерял терпение. Решил идти на прорыв. А где прорываться? Правильно, там, где «слабое звено». То есть со стороны меня. Я ведь иду с краю, маленькая, незаметная – идеальный коридор для маневра.

Я даже обернуться не успела, только услышал этот характерный противный свист покрывающих по асфальту.

Бах!

Удар пришелся в плечо и по касательной в бедро. Меня просто вымело с дорожки. Знаете, как в кино показывают замедленную съемку? Вот именно так оно и было. Гравитация вдруг вспомнила о моем существовании и решила притянуть к себе со всей дури. Я видела, как мимо пролетает зеленая трава, как испуганно вскидывает брови Верочка... Земля приближалась неумолимо, и я уже почти приготовилась пересчитывать зубами корни старого дуба.

Но удара не случилось. Вместо жесткого грунта я почувствовала чьи-то руки. Сильные, надежные и – что самое странное – очень вовремя оказавшиеся в нужном месте. Меня перехватили буквально в паре сантиметров от земли. Рывок – и я уже не лечу, а вишу в каком-то странном полубытии.

Это был Саша. Он сработал на чистых рефлексках, как какой-нибудь вратарь высшей лиги. – Жива? – голос у него был спокойный, но в нем прорезались нотки волнения.

Я только и смогла, что выдохнуть какое-то невнятное «бе-ме». Мозги еще пытались догнать тело, которое только что совершило незапланированный полет.

Самокатчик, парень в капюшоне и с глазами, полными праведного гнева (как будто это я в него врезалась, а не наоборот), затормозил в паре метров. – Слышь, ты чего под колеса лезешь? – огрызнулся он. – Ходят тут, распластались на всю дорогу!

Саша аккуратно поставил меня на ноги, но руку с моего локтя не убрал. Он повернулся к гонщику. – Глаза разуй, – бросил он. Негромко, но так, что у того сразу пропало желание качать права. – Ты в парке, а не на треке. Ещё раз так проедешь – и самокат твой в пруду окажется. Вместе с тобой. Понял?

Парень в капюшоне что-то вяло буркнул – то ли извинение, то ли проклятие, – и, резко вильнув рулем, умчался в сторону выхода.

А я стояла, чувствуя, как дрожат коленки. И дело было вовсе не в испуге от столкновения. Просто Саша всё еще держал меня за руку. А Анька... Анька замолчала. Впервые за весь день. Она смотрела на нас, и в её голубых глазах я прочитала не сочувствие, а что-то очень похожее на осознание проигранного раунда.

«Cool girl», – вспомнила я надпись на своей футболке. Кажется, корона на ней сейчас сидела как никогда ровно. Даже если её обладательница только что едва не пропахала носом газон.

Мир не просто остановился – он как-то странно отслоился, словно старая краска от забора. Я висела в пустоте, и единственной точкой опоры в этой зыбкой реальности были Сашины руки. Всё остальное – парк, дубы, пруды с ленивыми утками – превратилось в невнятный задний план.

Девчонки вились вокруг, как стайка рассерженных воробьев. Слух возвращался рывками: вот Анька громко и со вкусом прокликает «придурка на колесах», вот Верочка ахает и поет дифирамбы Сашиной реакции. А я была как в глубоком сне. Знаете, когда понимаешь, что пора просыпаться, но сон слишком интересный, чтобы его бросать. Перед глазами стояли только его глаза – совсем близко, глубокие, карие, в которых на долю секунды исчезла та взрослая грусть, уступив место самому обычному, человеческому испугу за меня. За маленькую Марго в зеленой футболке.

Он не стал слушать девчоночий галдеж. Просто внимательно, почти профессионально осмотрел меня сверху вниз, как будто проверял целостность сложного механизма. – Всё в порядке? – спросил он. Голос у него был негромкий, но такой, что все остальные звуки сразу отошли на второй план. – Голова не кружится? Ноги целы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.